

БАБОЧКИ В КАДРЕ И ЗА КАДРОМ

(Читая стихи Михаила Рантовича)

Рантович снимает мир (и себя в мире) на плёнку, нисколько не смущаясь повсеместного массового перехода на «цифру». Более того, ощущая собственную – победную – уникальность в верном следовании тому, что кто-то сочтёт старомодным. Будто из тех времён, когда и плёночная фотография ещё только набирала популярность, в строках его стихотворений вдруг появляются-проявляются поэты первой волны эмиграции: Вячеслав Ходасевич, Георгий Иванов и другие. От слепого подражательства здесь нет и следа. Напротив, очевиден поиск собственного пути, который в том числе проходит дорогами великих поэтов. Консерватизм Рантовича, однако, далёк от пассаизма. Пристрастие к традиции не отменяет живого, неравнодушного отношения автора к настоящему, а вместе с тем и будущему, в тумане которого мерцает свет.

Читатель наверняка (возможно, не без доли разочарования) отметит, что стихи эти при всём своём внутреннем стремлении к свету внешне в основном выглядят достаточно тускло, если не сказать, мрачно. Но это лишь обратная сторона, неказистый испод крыльев прекрасных бабочек, которых так много в этих стихах. Если вернуться к плёночной фотографии, самые тёмные участки плёнки те, куда попало больше света. При проявлении негатива эти участки меняются местами на фотобумаге, показывая истинную природу вещей. То же самое происходит со сти-

хами. Проявляясь-преломляясь в сознании неспешного внимательного читателя, они приобретают такую жизнеутверждающую силу, которая побуждает возвращаться к ним вновь и вновь.

Однако читатель, однажды прикоснувшийся к этим стихам и не смущённый цветовыми характеристиками, может остаться как бы в недоумении ещё и по другой причине. Рассматриваемые стихи метафорически похожи на стаи бабочек, кружащие над миром, прославляя и оплакивая его одновременно. С одной стороны, это слишком красиво, чтобы не разглядеть поближе. С другой – слишком хрупко, чтобы не повредить нежные крылья. Слишком загадочно, чтобы понять искусные узоры раз и навсегда. Слишком доверительно, чтобы не попытаться. И читатель пытается. Но в какой-то момент вдруг понимает, что эти стихи пролетают мимо, будто им нет до него особого дела. И в то же время кружатся прямо за его окном, обращая на себя внимание, танцую о преходящем и вечном. Холодная самодостаточность (если не сказать, отстранённость) в начале знакомства вскоре оборачивается дружелюбием и располагающей улыбкой, придавая этим стихам особое очарование.

Отдельного внимания заслуживает ювелирное умение Рантовича пополнять собственную коллекцию бабочек, выпуская на волю их сестёр, распланных между страницами словаря. Оживлять их в распахнутом небе белого листа, замирающего в ожидании стихов. А потом, затаив дыхание, смотреть, как все вместе они поднимаются выше и выше, как переливаются их радужные крылья, как мнимое препятствие между ними и светом стирается и сами они становятся светом на тёмном донце ещё не проявленного читателем фотоснимка.

Марина ФЕДОРОВА,
г. Кемерово

